ПОЛИТИКА

Построение евразийской модели экономики – важнейшая политическая задача в развитии интеграционных процессов в рамках ЕврАзЭС. Это может быть европейская модель, но серьезно адаптированная к условиям Белоруссии, Казахстана, России, других стран СНГ

В этом году исполняется двадцать лет со дня подписания Маастрихтских соглашений – договора, которым был учрежден Европейский Союз. Само время подсказывает еще раз критически осмыслить европейский опыт, взять из него и творчески применить самое важное, не перенося все подряд на совершенно другую почву.

Естественно, что одной из главных здесь является тема безопасности, в частности, решения ее современных проблем на региональном уровне. В последнее время, как говорится в публикуемой в этом разделе нашего журнала статье доктора исторических наук М.М. Шумилова, в изучении многочисленных видов безопасности появились новые подходы, основанные на понимании важности не только военно-политических, но также экономических, экологических, социальных и гуманитарных вопросов. Они, в силу правил ныне формируемого «широкого» спектра вопросов безопасности, потеснили военные проблемы с позиций «высокой политики», стали составляющей частью проблем глобальных. Их обсуждение все чаще переносится на региональный уровень. Такой подход находит свое выражение и в современной нормативно-правовой базе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Автор с позиции исторического ракурса подводит читателя к пониманию, почему Россия была вынуждена пересмотреть свою политику в Центральной Азии, провести реформирование уже существующих структур безопасности со странами региона – модернизировать в 2002 году Договор о коллективной безопасности, преобразовав его в региональную международную организацию.

Вообще структуре политических интересов России в регионе раздел «Политика» в этом номере журнала уделяет большое внимание. Так, доктор политических наук Санкт-Петербургского госуниверситета телекоммуникаций В.А. Ачкасова и директор департамента международного образования этого вуза Э.В. Гаевский, называя в своей статье три этапа развития отношений России с государствами постсоветского пространства, акцентируют внимание на главном в характеристике третьего, нынешнего этапа – постановке цели консолидации со странами региона: создании к 2015 году Евразийского экономического союза. Региональную тему с позиций геополитики как науки исследует и кандидат политических наук Д.А. Ланко. Он справедливо считает, что сегодня важно определить, какое место регион Евразия занимает в геополитической структуре мира, существующей в представлениях элит в самих странах Евразийского союза, в первую очередь – России. В других статьях (например, в исследованиях кандидатов наук М.М. Кучерявого и В.В. Плотникова) регион рассматривается сквозь призму региональной модели формирования информационного общества. Здесь авторы выходят на более широкий простор, беря за образец государства СНГ.

В статье доктора политических наук Б.А. Ширяева и кандидата Н.Ф. Федорова тема возвращает читателей к остающемуся, конечно же, актуальным аспекту – военно-стратегическому. С этой точки зрения авторами анализируются отношения стран Центральной Азии и Китая. Еще один кандидат – юридических наук – Л.В. Желдикова останавливается на поднятой нами в начале этого обзора теме безопасности. Здесь речь идет о преодолении религиозно-политического экстремизма в контексте обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан.

Интересны и познавательны публикации А.А. Марышева («Институт президентства на постсоветском пространстве: перспективы развития») и Д.Ю. Иванова о современной практике анализа политической ситуации.

М.М. Шумилов,
доктор исторических наук

Современные проблемы региональной безопасности и участие России в их урегулировании

В зависимости от источника и направленности угрозы принято различать военно-политическую, экономическую, культурную, энергетическую, информационную, демографическую, техногенную, продовольственную, экологическую и другие виды безопасности. В последнее время в их изучении появились новые подходы, основанные на понимании важности не только военно-политических, но также экономических, экологических, социальных и гуманитарных вопросов. Это свидетельствует о формировании «широкого» подхода к проблемам безопасности.[1] Более того, по словам профессора МГИМО В.М. Кулагина, «...происходит выравнивание приоритетности различных сфер "широкой безопасности". Военная безопасность несколько теряет свое ранее почти монопольное положение "высокой политики". В верхней части повестки дня мирового взаимодействия ее теснят те невоенные проблемы, которые раньше безоговорочно относились к разряду "низкой политики"»[2].

В процессе глобализации происходит нарастание важности общих мировых проблем. Различные субъекты мировой политики проявляют все большее понимание необходимости сотрудничества в их урегулировании. Это ведет к появлению единых правил, стандартов и практик в интересах устойчивого развития регионов мира и планетарной системы в целом. Вместе с тем, этому взаимодействию объективно противостоит традиционная международная конкуренция между государствами и их организациями за лидерство, выход на наиболее благоприятные позиции в глобальном разделении труда и геополитическом соперничестве.[3]

Шумилов Михаил Михайлович
Санкт-Петербург, Российская Федерация
Профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института Академии народного хозяйства и государственной службы
mshumilov@mail.ru

Shumilov Mikhail Mikhailovich
St. Petersburg, the Russian Federation
Professor of the International Relations Department of the North-West Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
mshumilov@mail.ru

[1] Лебедева М. М. Мировая политика: Учебник для вузов. – М., 2003. – С. 162–164.

[2] Кулагин В. М. Глобальная или мировая безопасность? [Электронный ресурс] // Международные процессы. – 2007. – Т. 5, № 2(14). – Май–август. URL: http://www.intertrends.ru/fourteen.htm (дата обращения 01.03.2012).

[3] Кулагин В.М. Международная безопасность: Учебное пособие для студентов вузов. – М., 2006. – С. 12; Богатуров А. Д. Понятие глобальных проблем сквозь призму опыта 2000-х годов. [Электронный ресурс] // Международные процессы. – 2011. – Т 9, № 1(25). – Январь–апрель. URL: http://www.intertrends.ru/twenty-fifth.html (дата обращения 01.03.2012).

Обсуждение глобальных проблем и противоречий развития все чаще фокусируется на региональный уровень. При этом, во внимание принимается то, что на состоянии региональной безопасности сказывается проецируемое извне воздействие ведущих нерегиональных держав и влиятельных транснациональных акторов. Этот подход находит свое выражение и в современной нормативно-правовой базе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Концепция внешней политики РФ, утвержденная 12 июля 2008 года (КВП-2008), прямо нацеливает на формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами, содействие устранению имеющихся и предотвращению возникновения новых очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к РФ регионах и других районах мира. После разгрома грузинских войск, вторгшихся в Южную Осетию в ночь на 8 августа 2008 года, президент Д.А. Медведев провозгласил наличие у России привилегированных интересов в Центрально-Азиатском, Каспийском, Черноморском и ряде других регионов. Речь идет о странах Евразийского экономического сообщества, Организации Договора о коллективной безопасности и Содружества Независимых Государств – самых близких стратегических партнерах России.

Изменение параметров безопасности в рамках обособленных регионов ведет к пересмотру их сложившейся конфигурации.[4] Например, воспринимавшиеся обособленно друг от друга регионы Ближнего и Среднего Востока после террористических актов 11 сентября 2001 года оказались объединены проектом подавления «оси зла» в единый регион «Большого Ближнего Востока» (ББВ).[5] Произошло расширение границ региона, который раньше именовался «западноевропейским». В процессе изменения находятся наши представления о геополитических контурах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и Центральной Азии (ЦА).

Современные авторы также заостряют внимание на «перераспределении значимости регионов в глобальном комплексе международной безопасности» по степени их «угрозоемкости». Так, В. М. Кулагин отмечает, что наибольшие изменения по этому признаку произошли в Европе. Если на протяжении веков она выступала эпицентром разрушительных войн, ее страны «...оказывали мощное, большей частью негативное, влияние на развитие процессов в области безопасности в других регионах мира», то за последние десятилетия произошло ее превращение в один из самых безопасных регионов. Напротив, значительной, по его мнению, «угрозоемкостью» сегодня отличается АТР, не имеющий собственной «инфраструктуры коллективного поддержания безопасности».[6]

С этими утверждениями можно согласиться лишь отчасти. Ведь именно в Европе распались на части СССР, СФРЮ и ЧССР, произошла ликвидация Хельсинкских договоренностей. В результате международно-правовая система, а вместе с ней и вся прежняя система безопасности, оказались в глубоком кризисе. Неудивительно, что КВП-2008 поставила перед Россией задачу «...содействовать укреплению региональной стабильности в Европе путем участия в процессах ограничения и сокращения обычных вооруженных сил, а также применения мер укрепления доверия в военной области на основе соблюдения принципа равной безопасности всех сторон». Главной целью российской внешней политики на европейском направлении провозглашено создание по-настоящему

[4] Согласно Хартии регионализма, принятой Европарламентом в 1988 г., регион – это гомогенное пространство, имеющее физико-географическую, этническую, культурную, языковую общность, а также общность хозяйственных структур и общность исторической судьбы (Проблемы европейского регионализма / Отв. ред. Н. А. Ковальский. М., 1999. – С. 17).

[5] Мирский Г. И. Большой Ближний Восток – самый конфликтный регион мира. [Электронный ресурс] // URL: http://www.wpec.ru/text/200704171449.htm (дата обращения 01.03.2012).

[6] Кулагин В. М. 1) Международная безопасность. С. 76–77; 2) Глобальная или мировая безопасность?

открытой, демократической системы общерегиональной коллективной безопасности и сотрудничества, обеспечивающей единство Евроатлантического региона без его новой фрагментации и воспроизводства прежних блоковых подходов.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 года (СНБ-2020), говорится о несостоятельности существующей глобальной и региональной архитектуры, ориентированной, особенно в Евроатлантическом регионе, только на НАТО, а также несовершенстве правовых инструментов и механизмов, все больше создающих угрозу обеспечению международной безопасности. Послание Президента России Федеральному собранию РФ 12 ноября 2009 года нацеливает на заключение договора об обеспечении европейской безопасности и юридическое, т.е. международно-правовое оформление принципа неделимости безопасности в Евро-Атлантике и выработку механизмов практической реализации вытекающих из этого обязательств.

Сегодня самым проблемным по «угрозоемкости» считается ББВ. Именно здесь наиболее активно и в концентрированном виде материализуются терроризм, распространение оружия массового уничтожения (ОМУ), внутренние политические конфликты – наиболее разрушительные новые угрозы международной безопасности. Во многом по причине слабой институционализации системы региональной безопасности или недееспособности регионального механизма противодействия опасностям и угрозам здесь проводятся самые масштабные операции международного вмешательства.[7]

Большую озабоченность политическими перспективами протекающих здесь процессов проявляет видный американский политолог Збигнев Бжезинский. В связи с этим он выделяет три взаимосвязанные задачи: 1) урегулирование палестино-израильского конфликта; 2) изменение «стратегического расклада сил» в регионе, простирающемся от Персидского залива до Центральной Азии, интеграция всех стран региона в мировое сообщество; 3) сотрудничество ведущих стран по вопросам нераспространения ОМУ и сдерживания «террористической эпидемии». По его прогнозу, в среднесрочной перспективе важнейшая задача США в укреплении международной и глобальной безопасности будет состоять в умиротворении именно этой зоны с последующей ее реорганизацией на началах сотрудничества.[8]

В России тоже сложилось понимание, что в XXI в. наибольшую угрозу для мира и демократии представляет исламский экстремизм. Достаточно сказать, что еще летом 2000 года российский Президент В.В. Путин возложил на «фундаменталистский интернационал» вину за провоцирование нестабильности на территории от Филиппин до Косово и создание угрозы суверенитету России новым типом внешней агрессии – международным терроризмом.[9] Российские ученые отмечают исключительную роль Ближнего Востока в распространении исламского экстремизма и мирового терроризма. К примеру, вскрывая причины подъема политического ислама и новой волны исламизации арабского общества, В.Н. Панин убедительно показал распад традиционного общества, быстрый численный рост неимущих и маргинальных слоев, углубление пропасти между бедными и богатыми, оппозицию докапиталистического уклада новой модернизируемой социальной структуре общества, неграмотность (особенно среди женщин), неспо-

[7] Кулагин В. М. 1) Международная безопасность. С. 76–78; 2) Глобальная или мировая безопасность?

[8] Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. – М., 2005. – С. 97–116.

[9] Следует различать понятия «исламский фундаментализм» и «исламский экстремизм». Первое – это движение за введение прямой теократии, возвращение к духовным истокам, исконным традициям мусульманства. Второе – радикальная политическая идеология на основе ислама, провоцирующая вооруженную борьбу с «неверными» в глобальном масштабе.

собность регулировать рост населения, неразвитость и отсутствие государственных механизмов, сдерживающих социальные и политические конфликты, неспособность арабских режимов нормализовать отношения с еврейским государством и т. д.[10]

В 1990-е годы после распада СССР и объявления бывшими советскими республиками Средней Азии независимости в новом геополитическом формате проявился Центрально-Азиатский регион (ЦАР), открывшийся для проникновения внешних сил. Заметное влияние на политическую ситуацию в ЦАР стали оказывать США, наладившие политическое, торгово-экономическое и военное взаимодействие с находящимися здесь государствами. В современной литературе географические рамки ЦАР расширяются до размеров «Большой Центральной Азии» (БЦА).[11] Этот формат объединяет в единое военно-стратегическое и геополитическое целое Казахстан, среднеазиатские республики бывшего СССР и Афганистан, территорию северных регионов Ирана, китайского Синьцзяна, Монголии, а также южно-сибирских окраин России и части Поволжья.[12]

В начале 1990-х годов Вашингтон еще не имел определенных планов в отношение ЦАР, но затем он вполне осознал его значение в рамках складывающейся концепции глобального лидерства Соединенных Штатов. С приходом Уильяма Клинтона к власти в США (1993) стал набирать силу курс на ослабление влияния России на постсоветском пространстве. Авторитетные американские политологи Стивен Сестанович, Шерман Гарнет и Строуб Тэлботт, участвовавшие в разработке внешней политики администрации Клинтона, обусловливали американо-российское партнерство отказом России от противодействия США в Евразии, включая постсоветское пространство.[13] З. Бжезинский определил задачи США в ЦАР следующим образом: «…первостепенный интерес Америки состоит в том, чтобы помочь обеспечить такую ситуацию, при которой ни одна держава не контролировала бы данное геополитическое пространство, а мировое сообщество имело бы к нему беспрепятственный финансово-экономический доступ… Следовательно, усилия России по монополизации доступа требуют отпора, как вредные для стабильности в регионе».[14]

В 1997 году США официально объявили сферой своих стратегических интересов зону Каспия. Одновременно они изложили свою концепцию в отношении ЦА, во главу которой был поставлен интерес к нефтяным и газовым ресурсам региона[15], демонстрировали стремление взять под контроль «стратегический энергетический эллипс» – территорию, простирающуюся от Ближнего Востока до ЦА.[16] При этом, их политика, направленная на создание новой сети трубопроводов (Баку – Джейхан) и интегрированной системы коммуникаций по перекачке нефти и газа в Европу (TRACECA), не только изолировала Иран, но также вступила в конфликт

[10] Панин В. Н. Политический процесс на Ближнем Востоке: влияние России и США. – Пятигорск, 2003. – С. 35, 64.

[11] Концепцию «Большой Центральной Азии» в 2005 г. предложил директор Института Центральной Азии и Кавказа Университета Джонса Хопкинса (Вашингтон, США) Фредерик Стар.

[12] Улунян А. «Большая Центральная Азия»: Геополитический проект или внешнеполитический инструмент? [Электронный ресурс] // Информационное агентство Фергана.news. – 2008. – 4 апреля. URL: http://www.fergananews.com/article.php?id=5655 (дата обращения 01.03.2012).

[13] Политика США в меняющемся мире / Под ред. П. Т. Подлесного. – М., 2004. – С. 131.

[14] Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М., 1999. – С. 178.

[15] Talbott S. A Farewell to Flashman: American Policy in the Caucasus and Central Asia. An Address by Deputy Secretary of State Strobe Talbott Central Asia Institute Johns Hopkins School of Advanced International Studies July 21, 1997. [Электронный ресурс] // Johnson's Russia list. URL: http://www.cdi.org/russia/johnson/1070.html##1 (дата обращения 01.03.2012).

[16] Kemp G., Harkavy R. Strategic Geography and the Changing Middle-East. – W.: Carnegie Endowment for International Peace, Brookings Institution Press. 1997. – P. 110.

с региональными экономическими и политическими интересами России.[17]

По мнению некоторых отечественных экспертов, США в ЦА не столько преследовали экономические интересы, сколько стремились выдавить Россию «с исторически прочных позиций в этом регионе».[18] До последнего времени они исходили из перспективы слияния пространств БЦА и ББВ под эгидой Запада и вывода этого расширенного региона из-под влияния России и Китая. При этом, главная роль в реализации такой стратегии отводилась Пентагону и НАТО.[19] По мнению главного научного сотрудника Казахстанского института политических исследований Мурата Лаумулина, под вывеской проекта БЦА Вашингтон стремился навязать странам ЦАР внешнее управление, «некую мягкую форму протектората» при сохранении видимости «геополитического плюрализма».[20]

В отличие от США, Европейский Союз (ЕС) проявляет стремление к сотрудничеству с Россией в освоении ЦАР. Вместе с тем, роль России в делах региона эксперты ЕС выставляют в неприглядном свете. Так, по мнению сотрудника Института по изучению проблем безопасности и программ развития (Стокгольм) Ларуэля Марлена, российские власти, рассматривая все пять государств ЦА как естественную часть территории влияния РФ, сыграли ключевую роль в построении здесь государств путем продвижения постсоветской авторитарной модели. Они же продолжают поддерживать авторитарный характер политических режимов ЦА и нацеливают их экономику на экспорт сырья.[21]

Начало военной операции антитеррористической коалиции (первоначально США и Великобритании) в Афганистане в октябре 2001 года и размещение военных баз коалиции в Киргизии, Узбекистане, Таджикистане создали новую ситуацию в регионе. Наметились признаки сотрудничества Москвы с Вашингтоном и НАТО в борьбе с международным терроризмом. Это обусловливалось заинтересованностью России и стран ЦАР в стабильном Афганистане, который в тот момент представлял для них реальную угрозу – место подготовки исламистских радикалов, производства наркотиков, источник политического хаоса. Вместе с тем, руководству РФ пришлось смириться с проникновением США и их союзников в ЦА.

На первых порах правящим элитам стран ЦАР непосредственное вовлечение стран Запада в дела региона показалось привлекательным. Все они надеялись на возрастание экономической помощи со стороны США и Европы, на расширение сотрудничества и щедрую плату за использование их военных объектов, помощь техникой, обмундированием и т. д. Узбекистан и Туркменистан, в частности, рассчитывали, что США выступят новым гарантом их независимости, са-

---

[17] Звягельская И. Меняющиеся балансы. Взаимодействие внешних сил в Центральной Азии // Свободная мысль. – 2009. № 11. – С. 65.

[18] Дронов В. Взаимоотношения Европейского Союза и России с Центральной Азией: перспективы политических отношений ЕС и России с Таджикистаном. [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический Центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве. – 2007. – 22 ноября URL: http://www.ia-centr.ru/archive/public_detailsbdd2.html?id=989 (дата обращения 01.03.2012)

[19] Искандаров А. ШОС и НАТО в системе региональной безопасности Центральной Азии. [Электронный ресурс] // Окна в НАТО. – 2007. – 9 марта. URL: http://nato.w-europe.org/show.php?art=68&rubr=37 (дата обращения 01.03.2012); Кефели И. Ф. Пространство ШОС – пространство содружества // Изв. Уральск. госуд. ун-та. – 2010. – №3(80). – С. 58–59; Майтдинова Г. М. Геополитика Центральной Азии. [Электронный ресурс] Информационно-аналитический портал Геополитика. – 2010. – 9 марта. URL: http://geopolitica.ru/Articles/911/ (дата обращения 01.03.2012).

[20] Лаумулин М. «Большая Центральная Азия» (БЦА) – новый мега-проект США? [Электронный ресурс] // ЦентрАзия. – 2005. – 21 ноября. URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1132564860 (дата обращения 01.03.2012).

[21] Ларуэль М. Россия в Центральной Азии: давняя история, новые трудности? [Электронный ресурс] // Рабочий доклад EUCAM. – № 3. URL: http://www.eucentralasia.eu/fileadmin/user_upload/PDF_RU/Working_Papers_RU/WP3-RU.pdf (дата обращения 01.03.2012).

мостоятельности и безопасности. К тому же концепция борьбы с международным терроризмом облегчала возможности борьбы не только с экстремистами и радикалами внутри этих стран, но и с собственной политической оппозицией.

Несмотря на то, что борьба с терроризмом на какой-то момент объединила усилия России и Соединенных Штатов, вскоре проявилось намерение США надолго закрепиться в регионе. К тому же стиль американской политики становился все более напористым и бесцеремонным. Фактически события 11 сентября 2001 года послужили удобным информационным прикрытием для закрепления военного присутствия американцев в Афганистане, который стал для них стратегическим плацдармом в деле обеспечения контроля над всей ЦА. Администрация Президента Джорджа Буша-младшего продолжила «...курс на вытеснение России из зон ее жизненно важных интересов, игнорируя мнение российского руководства по важнейшим вопросам».[22]

РФ была вынуждена пересмотреть свою политику в ЦА. Ей удалось провести реформирование уже существовавших структур безопасности со странами региона – модернизировать в 2002 г. Договор о коллективной безопасности, преобразовав его в региональную международную организацию. Россия также сосредоточилась на развитии двусторонних отношений со странами региона, закрепила здесь свое военное присутствие, открыв военную базу в Таджикистане.

Совместно с Китаем была создана Шанхайская организации сотрудничества, в которую вошли Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. В рамках ШОС была провозглашена совместная ответственность за безопасность в регионе. Несмотря на разницу подходов участников ШОС к приоритетам и задачам этой организации, появление мощной организации нанесло ощутимый удар проникновению США в ЦАР. В июльской (2005) декларации Совета глав государств–членов ШОС указывалось, что «...рациональный и справедливый миропорядок должен базироваться… на установлении подлинно партнерских взаимоотношений без претензий на монополию и доминирование в международных делах» и содержался призыв к участникам антитеррористической коалиции в Афганистане: определиться «...с конечными сроками временного использования…объектов инфраструктуры и пребывания военных контингентов на территориях стран–членов ШОС».[23]

Первоначально США восприняли ШОС как дискуссионный клуб, не имевший серьезного основания. Однако после 2005 года, когда статус наблюдателей в ШОС получили Индия, Пакистан, а также главный противник США – Иран и в 2006 г. – Монголия, следовавшая в фарватере США, а пожелание вступить в ШОС высказали Южная Корея и Турция, существование ШОС и ее планы стали сильно беспокоить американских политиков.[24]

В ответ на угрозы усилению их влияния в регионе США выдвинули идею создать партнерство по сотрудничеству – региональный форум по планированию и осуществлению ряда внешнеполитических программ, в результате осуществления которых произошло бы превращение Афганистана и остальных стран региона в зону безопасных суверенных государств с жизнеспособной экономикой, светскими открытыми системами государственного управления, дружественных США. Однако участие России и Китая в этом партнерстве не предусматривалось. К программе предполагалось подключить Турцию, Пакистан и Индию, отодвинув организации ШОС, ЕврАзЭС, чтобы переориентировать

[22] Звягельская И. Меняющиеся балансы. – С. 71.

[23] Декларация глав государств–членов Шанхайской организации сотрудничества. г. Астана, 5 июля 2005 г. [Электронный ресурс] // ШОС: Официальный сайт. URL: http://www.sectsco.org/RU/show.asp?id=98 (дата обращения 01.03.2012).

[24] Фейгенбаум Э. Шанхайская организация сотрудничества и будущее Центральной Азии [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. – 2007. – № 6. – Ноябрь–декабрь. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_9965 (дата обращения 01.03.2012).

политику стран ЦА.[25] Более того, США подчеркивали, что главной проблемой для них являлась ситуация в Афганистане. Они и не скрывали, что на все события, происходившие в ЦА, в первую очередь смотрели через призму Афганистана.[26]

К концу президентства Буша-младшего концепция «Большой Центральной Азии» доказала свою нежизнеспособность из-за невозможности стабилизировать ситуацию в Афганистане. Следует согласиться с профессором МГИМО С.Г. Лузяниным, что идея экономического возрождения ЦАР через Афганистан оказалась неосуществимой: «Наркоэкономика, талибский экстремизм, слабость режима Хамида Карзая и другие очевидные обстоятельства делают подобную теоретическую конструкцию довольно искусственной и нереальной».[27]

Позиция администрации США во главе с Президентом Бараком Обамой отличается большим прагматизмом. В декабре 2009 года Вашингтон официально пересмотрел приоритеты своей политики в ЦА. На слушаниях в Сенате США заместитель помощника государственного секретаря США по делам Южной и Центральной Азии Джордж Крол обозначил пять американских приоритетов в ЦАР: расширение сотрудничества с государствами региона для поддержки Международных сил содействия безопасности в Афганистане и Пакистане; помощь в развитии и диверсификации энергетических ресурсов региона; поддержка политической либерализации в странах ЦАР, но без попыток навязать политические принципы государствам региона; помощь в налаживании торговых отношений между странами региона; помощь в предотвращении распада данных государств, в обеспечении бесперебойного функционирования государственного управления, образования, здравоохранения, экономики, преодолении коррупции.[28]

Как можно заметить, Соединенные Штаты по-прежнему уделяют ЦА значительное внимание в своей национальной стратегии. Об этом в очередной раз 30 июля 2010 года заявил в Центре Карнеги (Вашингтон) заместитель госсекретаря США по делам Южной и Центральной Азии Роберт Блейк. При этом, тоже перечислил пять основных направлений американской политики в ЦА: безопасность, энергетика, поощрение политической либерализации, укрепление рыночной экономики, предотвращение появления несостоявшихся государств.[29]

Несмотря на критические замечания о том, что в новой американской концепции ЦА рассматривается лишь как придаток политики США в Афганистане и Пакистане и не учитывается усиление роли России, Китая и мусульманских стран в ЦАР[30], создается впечатление, что США, по крайней мере на время, отложили политику агрессивного проникновения в регион. Более того, обнаружившиеся серьезные проблемы, связанные с необходимостью укрепления стабильности и консолидации в Афганистане и Пакистане, стремление создать в этой стране

---

[25] Стар Ф. Партнерство для Центральной Азии. [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. – 2005. – № 4 – Июль–август. URL: http://www.globalaffairs.ru/numbers/15/4506.html (дата обращения 01.03.2012).

[26] Сафин Р. М. Олкотт: США и Центральная Азия. Интерес есть, но... падает. [Электронный ресурс] // ЦентрАзия. – 2009. – 27 мая. URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1243395900 (дата обращения 01.03.2012).

[27] Лузянин С. Г. Центральная Азия 2008: экономические амбиции или «исламский социализм»? [Электронный ресурс] // Фонд исторической перспективы: информационно-аналитический портал «Перспективы». – 2008. – 17 января. URL: http://perspektivy.info/oykumena/politika/centralnaja_azija--2008_ekonomicheskije_ambicii_ili_islamskij_socializm_2008-01-17.htm (дата обращения 01.03.2012).

[28] Новая политика США в Центральной Азии. [Электронный ресурс] // Голос Америки. СНГ и регионы. – 2009. – 15 декабря. URL: http://www1.voanews.com/russian/news/former-ussr/US-Politics-Central-Asia-2009-12-15-79370207.html (дата обращения 01.03.2012).

[29] Панфилова В. В Киргизии наказали «стрелочников». США обещают найти виновника ошской трагедии // Независимая газета. – 2010. – 2 августа.

[30] Там же.

условия не только для военного присутствия, но и для возможности вывода военных сил до конца 2013 года, заставляют США искать сотрудничества со своими соперниками в ЦАР – Россией и Китаем. Необходимость в транзите грузов через Россию и государства ЦАР, поставки из ЦАР материалов и конструкций в Афганистан, прокладка линий электропередач, сохранение возможностей по использованию баз и центров транзита в ЦА – все это заставляет американцев искать сотрудничества с Россией и другими влиятельными субъектами обеспечения региональной безопасности.

В свою очередь Россия, хотя она и не является единственным игроком в ЦАР, по-прежнему имеет здесь и совершенствует рычаги разностороннего геополитического влияния. Достижения ее региональной политики бесспорны. Не приходится сомневаться и в том, что их положительная динамика во многом зависит от успехов взаимодействия как с союзниками по ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС, так и с внерегиональными силами в решении всего комплекса вопросов регионального и общемирового значения – военно-политических, финансово-экономических, энергетических, теоретико-философских, технологических, идеологических, информационно-психологических, гуманитарных, политико-экологических и других. Это аксиома. Тем не менее, исходя из «широкого» понимания безопасности и необходимости международного сотрудничества, Россия должна постоянно отслеживать ситуацию в регионе и постоянно корректировать свои приоритеты, намечать первоочередность решения насущных задач. В любом случае, главным мерилом успешности этих действий становится претворение в жизнь проекта реинтеграции бывшей «советской Евразии» под началом Москвы и создание к 2015 года на основе Единого экономического пространства нового Евразийского союза.

Ключевые слова: национальная безопасность; региональная безопасность; международная безопасность; Центрально-Азиатский регион; Большая Центральная Азия; Большой Ближний Восток.

Keywords: national security; regional security; international security; Central Asia; Greater Central Asia; Greater Middle East.